

СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ

ЛАПОРЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО № 29
СПЕЦПОСЕЛЕНЦА

Фамилия Багвич
Имя Семен
Отчество Иванович

ПЕРЕСМОТРЕНО В СООТВЕТСТВИИ
С ПР. Г. АЗОВ МВД СССР № 0026-1955 г.
АРХИВНЫЙ №-Р- 8402
У М В Д ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Жачато

155

ВЫПУСК 1

пгт. Березово
2016 год

Архив. №

СОДЕРЖАНИЕ

1. *Вертков А.М.
История деревни Лапоры в воспоминаниях спецпереселенцев.*
2. *С.Е.Константинова
ЛЕХ-ПОГОР, НЕПРИДУМАННАЯ РОДИНА*
3. *Воспоминания Пестряковой (Бадьиной) Марии Семеновны*
4. *Воспоминания Жилиной (Колмогорцевой) Анастасии Фёдоровны*
5. *Пашнин Александр Васильевич «Воспоминания детства»*
6. *Воспоминания Стоматовой (Лаишевцевой) Натальи Николаевны*
7. *Фотоприложение*

Материалы собрал и подготовил к публикации

Алексей Михайлович Вертков,
научный сотрудник Березовского районного краеведческого музея

**Муниципальное казенное учреждение
«Березовский районный краеведческий музей»**

**Тюменская область, 628140, Ханты-Мансийский автономный округ - ЮГРА,
пгт. Березово, ул. Собянина, 39**

Тел.: +7(34674) 2-21-80

E-mail: museum_berezov@mail.ru

ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ ЛАПОРЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Автор А.М. Вертков

(опубликована в культурно-просветительской газете
«Музейное дело» № 3-4 (34-35) 2015г.)

Деревня Лапоры – малоизвестная страница истории нашего края.

Архивные данные весьма скудны, большинство публикаций основано на воспоминаниях Пестряковой М.С.

В данной работе представлены воспоминания и фотографии других жителей Лапор, в том числе ранее не публиковавшиеся.

«...Наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики подлежат высылке в порядке принудительной колонизации в малонаселенные и необжитые районы северных округов области...

...Расселение выселяемых кулаков (2-й категории) производится небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами...»

(«Постановление бюро Уралобкома ВКП(б)
«О ликвидации кулацких хозяйств
в связи с массовой коллективизацией 1930г.»)

Весной 1931 года в пойме реки Малая Обь ссыльными переселенцами был основан поселок Лапоры. В нескольких километрах от Лапор находились юрты Лех-Погор. В переписи населения 1926 года в разделе «Северные поселения» числятся юрты Лапорские (юрты Лех-погор), месторасположение - протока Лапорская реки Малая Обь. До районного центра Берёзово - 85 километров зимнего пути, летом - 105 километров рекой. Все учреждения - почта, телеграф, ветеринарный пункт, врач и школа – в Березово. На момент переписи в юртах Лапорских было 9 мансийских хозяйств, 16 мужчин и 14 женщин.

Из воспоминаний Пашнина Александра Васильевича, 1933 г.р.:

«В 1930-31 годах раскулаченных «кулаков» выгнали из собственных домов и обозами вывозили в Тобольск. Весной 1931 года погрузили на баржи и пароходом направили на север по Оби осваивать дикие таежные места. После Самарово пароход-караван местами останавливался. Частями высаживали в населенных пунктах: Перегребное, Шеркалы, Кондинск и плыли дальше. Очередная остановка на границе Березовского района. Левый берег Оби. Тайга. Ни одного дома. Командующий по охране зачитал около сорока фамилий и велел выгружаться на берег. В этом списке была семья Пашнина Ивана Михайловича: глава семьи и 7 членов. Вопрос не обсуждался. Тихо все расположились на берегу. Потом перебрались в лес, подальше от берега.

Высадили народ на выживание. Трудности не испугали крепких мужиков-кулаков. На первый случай построили землянки. Для капитального строительства выбрали место - гору со склонами на все стороны. Вырубали лес, строили дома на 4 квартиры, разрабатывали землю для полей, собственных огородов. Обживались капитально».

Из воспоминаний Пестряковой Марии Семеновны 1926г.р.:

«За пять лет нас перевозили с места на место несколько раз: Березово, Шайтанка, Нерга, Ванзетур и, наконец, Лапоры. Поселили в бараке, на 36 квадратных метрах — 4 семьи из 16 человек. Посередине барака стояла большая русская печь, на ней дети спали и спасались днем от холода. Рядом с печью - буржуйка, к бокам которой мы приклеивали и так пекли ломтики сырого картофеля. В Лапорах мы уже не ели хлеб с добавлением древесной коры и толченых рыбьих костей. Через год увеличили площадь огорода (корчевали пни и копали целину), появился свой картофель, было свое молоко...»

Из воспоминаний Стоматовой (Лаишевцевой) Натальи Николаевны, 1946 г.р.:

«...Детей было много, детсадов и яслей не было. Старшие работали от зари до зари, а дети были дома одни... Жили без ссор и скандалов...»

Непросто складывались отношения с так называемыми «вольными» - добровольными переселенцами из Коми и Архангельской области. Хотя дети вместе учились в школе, играли, но, когда ссорились, звучали взрослые слова: «...кулаки, буржуи, колонисты, эксплуататоры...»

Вскоре вольные жители перебрались в Чуанель и Ватарнель, потому что не хотели жить вместе со спецпереселенцами.

Вспоминает Пашнин А. В.:

«Кулаки» - народ работающий, «золотые руки». Наладили все деревенское производство. Выстроили свой кирпичный завод. Кирпич продавали в районный центр. Наладили производство для продажи: телеги, сани, кошовки, гончарное производство (посуды не было), изготавливали бочки деревянные для посолки рыбы, гнали смолу, кузница была хорошая. Образовали сельхозартель «На новом пути»... Стро-

го держали дисциплину. Во время начала работы и во время окончания били в железную бочку. Во время войны поднимали и опускали флаг на высоком столбе...»

Подробнее описывает Пестрякова М. С.

«... Мужики в поселке были мастерами. Ефим Александрович Лаптев и Антон Галактионович Булашев занимались изготовлением деревянных бочек и простой мебели - стульев, кроватей, табуреток, столов и школьных парт. Мебель была очень прочной, клей для неё изготовляли осетровый. Пни от хвойных деревьев тоже шли в дело, из них в особых печах топили смолу и дёготь. Ещё изготовляли кирпич, излишки которого продавали в соседние посёлки Нарыкары, Новинские, Камратку...»

Из воспоминаний Пашнина А.В.:

«До 1945 года пароходы работали на дровах. У нас тоже заготавливали дрова для пароходов. Вывозили на берег Оби, называлась «пристань». Заготавливали все. Моя тетя Евгения Ивановна в паре с Лаптевой Анной работала. Заготовка шла только зимой. Придут из леса – тетя плачет: «За что нам такое наказание, по пояс в снегу, холод, полураздетые». Им было по 20-23 года. Работали с раннего утра до потемок, чтобы выполнить норму. Загружать дрова останавливались пароходы. Мой дед отпускал дрова пароходам и оформлял документы».

А вот что вспоминает про это Стоматова (Лаишевцева) Н.Н.:

«Всю зиму заготавливали дрова для пароходов, складывали их в поленницы вдоль берега. По Оби тогда ходили пароходы на колёсах-лопастях. Очень красиво было смотреть на реку вечером, когда мимо плыл пароход. Он был белый и светился огнями, с него доносилась музыка. Мы, дети, любили на это смотреть, он приветствовал нас гудками. А когда пароход приставал к берегу, к нему бежали люди, несли, кто ягоды, кто орехи и грибы, картошку, молоко, чтобы продать. На пароходу был магазин, можно было что-то купить...»

Кроме дров, заготавливали кедр, и из них во время Великой Отечественной войны уже в поселке делали заготовки для ружейных прикладов.

Спецпереселенцы отобрали у леса более 30 гектаров земли, выращивали картофель, турнепс и огурцы. Огурцы большими неводниками возили в Березово. Небольшие площади засевали овсом. А однажды хорошо уродилась рожь. В деревне ребяташек рано привлекали к работе. Дети 8-10 лет умели ездить на лошади верхом – на работу, на покос, сажать картофель, боронить. Рабочий день подростков был, как у взрослых - по 10 часов...

Вспоминает Пестрякова М.С.:

«... Разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец. Вначале для артели были куплены две коровы и две лошади, после поголовье колхозного скота приумножилось за счет обобществленных бычков и телочек, а лошадей у переселенцев забра-

ли сразу. Разумеется, занимались рыбной ловлей. На берегу стоял ледник».

Из воспоминаний Стоматовой (Лаишевцевой) Н. Н.:

«В Лапорах была четырёхлетняя, дальше, в пятом классе учились в Ванзетуре – это в 60 км от Лапор. Детей увозили до каникул, жили они на квартирах самостоятельно, готовили и стирали себе сами. Иногда родители передавали им продукты с почтальоном...»

Окончив школу в Ванзетуре, дети, по совету родителей, в Лапору не возвращались: стремились продолжить учебу и выбраться из ссылки. Не вернулись в Лапору и призванные на фронты Великой Отечественной войны мужчины.

«На войну из поселка ушла большая часть мужчин, две трети ее погибло на полях сражений», - пишет **Софья Константинова**, правнучка сосланной в Лапору семьи Бадьиных.

После окончания войны бывшие воины получили свободу от спецпоселения и семьями стали выезжать. Лапорский колхоз объединили с колхозом «Северная заря» деревни Ванзетур. Ванзетур, к слову, также был основан ссыльными, но был более крупным населённым пунктом, имеющим удобные земли для расширения.

«... Деревня чахнет. По амнистии 1955 года остатки жильцов потихоньку покинули деревню. Так бесславно закончилась судьба деревни. Около 30 лет существовала. Короткий век», - подводит итог Александр Васильевич Пашнин, рожденный в 1933 в Лапорах и проживший там до 1949 года.

В настоящий момент деревня затягивается лесом, постройки не сохранились. Рядом с Лапорами расположено кладбище, из сохранившихся памятников – крест на могиле Бадина С. Я.

В фондах Березовского районного краеведческого музея хранятся немногочисленные воспоминания жителей Лапор, фрагменты которых приведены в данной статье.

Если среди читателей данной статьи есть родственники и знакомые жителей Лапор - давайте сохраним память о ваших родных, наших земляках для потомков!

Сотрудники музея будут благодарны за любые воспоминания и фотографии, которые помогут нам полнее осветить историю Лапор.

ЛЕХ-ПОГОР непридуманная родина

Автор С. Е. Константинова
(опубликована в газете «Тюменские известия» № 9 (5217)
24.04.2011г.)

Ныне уже не существующий посёлок Лапоры — родина моего дедушки Юрия Рюриковича Пестрякова. Здесь он жил вместе с бабушкой, дедушкой, мамой, отцом, сестрой и тётями. В те времена у всех были большие семьи...

Лапоры — дорога на остров

На первый взгляд, название деревни Лапоры Берёзовского района звучит по-русски. На самом деле это мансийское название поселения Лех-погор: «лех» — дорога, «погор» — остров. На Малой Оби располагаются несколько островов: Аренинский, Наумковский и многочисленные мелкие, использовавшиеся для выгона скота и посадки картофеля. Один из таких островов и расположен напротив деревни Лапоры.

По данным переписи населения 1926 года, в разделе «Северные поселения» значится: юрты Лапорские (юрты Лех-погор), месторасположение — протока Лапорская реки Малая Обь. До районного центра Берёзово — 85 километров зимой на лошадях, летом лодками — 105. Ближайшая почта, телеграф, ветеринарный пункт, врач и школа — все в Берёзово. В юртах Лапорских в 1926 году насчитывалось 9 хозяйств, в которых проживало 16 мужчин и 14 женщин вогулов (манси).

В пяти километрах от юрт Лапорских располагался Лапорский выселок. Там в трёх хозяйствах жили русские (6 мужчин и 10 женщин). Таким образом, известно о двух поселениях с названием Лапоры. В обоих поселениях в период коллективизации были созданы колхозы: в юртах Лапорских в 1936 году — рыболовецкая артель имени Ворошилова, а в русском посёлке в 1934-м — сельскохозяйственная артель «На новом пути». Юрта — название в Западной Сибири селений и жилищ ханты, манси, селькупов. В советское время термин стал выходить из употребления на картах, но сохранился в бытовом обиходе, когда шла речь о селениях ханты и манси. В Лапорских юртах жили семьи манси Китаевых, Лыпшиковых и Екигоровых;

в деревне Лапоры — Тамлатовых, Пажгиных, Воложаниных, Дудоровых, Туркиных, Корепановых, Титовых, Арзамасцевых, Кузнецовых, Тороповых, Пашниных, Булашевых, Могильниковых, Уфимцевых.

Кулаки, буржуи, эксплуататоры

А еще были Лапоры для спецпереселенцев. Речь пойдёт о русских Лапорах — посёлке, организованном ссыльными переселенцами. Место, на котором построился посёлок, находится в смешанном лесу на берегу узкого продолговатого залива (курьи) в пойме реки Малая Обь: две улицы домов и пашни рядом с посёлком недалеко от берега. По чёткому очертанию пашни можно сделать вывод о том, что землю раскорчевывали.

Благодаря моей прабабушке Марии Семёновне Пестряковой, в девичестве Бадьиной, у меня есть возможность написать о жизни спецпереселенческого посёлка Лапоры. Здесь прошло её детство и юношеские годы. Здесь она училась в школе и работала в сельхозартели. В Лапоры к ней бегал на лыжах на свидания за 90 километров её будущий муж Рюрик Васильевич Пестряков. Марии Семёновне исполнилось 86 лет, но она удивительно чётко помнит всех жителей посёлка.

Долгая дорога в зиму (из воспоминаний М.С. Пестряковой)

Свою историческую родину — станицу Наваринскую Агаповского района Челябинской области — я запомнила плохо. Дом вижу как бы в сумерках, и помню только, как мы с сестрой Наташей на необъятной русской печи ползаем по теплему дедушкиному животу, а дед иногда ловит нас, щекочет своей коротко подстриженной бородой, и мы в восторге визжим. Вижу просторный двор и высокое крыльцо, на котором я спасаюсь от индюка: он не любил мой красный сарафан.

Сарафан тот забрали при раскулачивании в январе 1930 года... Из дома нас выселили, вывезли в Магнитогорск, откуда в теплушках доставили в Тюмень. Из Тюмени до Тобольска везли на лошадях. Я сидела между стариками Арзамасцевыми, нашими дальними родственниками, папа шел пешком, а мама сидела на возу с поклажей, прижимая к себе четырехмесячную Клаву. Чтобы мама не свалилась, ее привязывали к саням веревками. Отец иногда подходил к нашим саням и давал мне кусочек хлеба — «гостинец от зайчика или лисички»... Потом всех разместили по закрытым тобольским церквям: полумрак, нары в три яруса. И много гробиков — дети один за другим умирали от кори. В мае нас отправили в Берёзово. Везли в трюме допотопного парохода, и мы попали в шторм — суденышко страшно болтало. После было переселение в Шайтанку, где нас временно поместили у стариков Бабиновых. Отец вырыл землянку, в которой мы пережили первую северную зиму. По теплу всех переселили в бараки. Отца в это время с нами не было, он рыбачил в Нерге. Летом 1932 года и нас на плашкоуте привезли в Нергу, где уже был отстроен посёлок, работали школа и клуб. Зима и весна следующего года случились голод-

*Лапорская начальная школа, 50-е годы XX века.
В центре Пестрякова (Бадьина) Мария Семеновна.*

ными, умерло сразу 60 человек.

В Нерге мы жили в бараке с семьей Шеметовых. Их дочь Аня училась в школе, и она нам показывала, как пишется печатные буквы. Осенью 1934 года дома разобрали, сделали плоты и нас на плотях, уже в середине сентября, повезли вниз по течению Малой Сосьвы. Никто не знал, куда и зачем нас везут, но перед отплытием устроили обыск. Что искали — неизвестно, а кедровые орехи отобрали. До Игрима мы плыли три недели, от Игрима до Ванзетура нас доставили на неводниках, причаленных к катеру. С нами была наша кормилица и спасительница корова Белян-

Лапорская школа

ка. Но сено осталось в Нерге, и родителям пришлось по снегу заготавливать корове корм. В Ванзетуре я пошла в школу. На всю жизнь запомнился первый урок: задание — списывание с печатного текста. Я старательно срисовала у соседа неведомые мне знаки. На перемене меня обступил весь класс: все с любопытством разглядывали мою «работу» — хохот был такой, что дрожали стекла в оконных рамах.

За пять лет нас перевозили с места на место несколько раз: Березово, Шайтанка, Нерга, Ванзетур и, наконец, Лапоры. Поселили в бараке, на 36 квадратных метрах — 4 семьи из 16 человек. Посередине барака стояла большая русская печь, на ней дети спали и спасались днем от холода. Рядом с печью — буржуйка, к бокам которой мы приклеивали и так пекли ломтики сырого картофеля.

Вблизи от переселенческих барачков стояли дома, в которых жили вольные — так мы называли добровольно приехавших из Коми и Архангельской области. Мы вместе с их детьми учились в школе, играли, но, когда ссорились, они дразнили нас: «Кулаки, буржуи, колонисты, эксплуататоры!». Вскоре вольные жители перебрались в Чуанель и Ватарнель, потому что не хотели жить вместе с переселенцами.

В 1934 году в Лапорах была создана сельхозартель «На новом пути», все переселенцы были вынуждены стать её членами. Первым председателем был Илья Дмитриевич Белкин, его в конце 30-х годов арестовали, и больше он к своей семье не вернулся. Вторым председателем избрали Фёдора Яковлевича Колмогорцева. Переселенцы разработали более 30 гектаров земли, выращивали картофель, турнепс и огурцы, небольшие площади были заняты овсом. А однажды хорошо уродилась рожь. Кроме того, разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец. Вначале для артели были куплены две коровы и две лошади, после поголовье колхозного скота приумножалось за счет обобществленных бычков и телочек, а лошадей у переселенцев забрали сразу. Разумеется, занимались рыбной ловлей. На берегу стоял ледник, мастером-рыбоприемщиком был переселенец из Астрахани Поляков.

Огурцы высаживались рассадой в навозные гряды. Стекланных рам практиче-

Сенокосная бригада в Лапорах

ски не было, поэтому в августе, когда начинались заморозки, рабочие устраивали дымокуры, чтобы уберечь урожай. Картофель и овощи сеяли на острове напротив поселка и на Наумковском острове; в устье Лапорской протоки очень хорошо росли репа и турнепс — корнеплоды весили до трех килограммов и больше.

Мужики в поселке были мастерами. Ефим Александрович Лаптев и Антон Галактионович Булашев занимались изготовлением деревянных бочек и простой мебели — стульев, кроватей, табуреток, столов и школьных парт. Мебель была очень прочной, клей для неё изготавливали осетровый. Пни от хвойных деревьев тоже шли в дело, из них в особых печах топили смолу и дёготь. Ещё изготавливали кирпич, излишки которого продавали в соседние посёлки Нарыкары, Новинские, Камрадку. Трудились все. Рабочий день подростков был, как у взрослых, по 10 часов...

До войны жизнь в поселке была ключом. В зимнее время работали хоровой кружок и драматический, при клубе была небольшая, хорошо подобранная библиотека. Систематически выпускалась настенная газета. На колхозной сцене ставились спектакли «Крепостная актриса», «Тупейный художник», «Свои люди — сочтемся». Главные роли исполняли Елена Недоспасова и ее братья Александр и Николай. Елена Семеновна была продавцом, ее все уважали и звали Леночкой-приказчицей.

В спектаклях принимали участие и люди более солидного возраста, например, Мария Михайловна Титова, которой тогда было 50 лет.

Семья Бадиных. Мать Глафира Романовна,
отец Селек Яковлевич,
дочери Нина (слева), Мария, внук Юра.
п. Лапоров, 1952 год

Семья Бадиных

В 1941 году случилось небывалое наводнение. Старожилы говорили, что подобное было в 1914-м, когда уровень воды был выше обычного более чем на два метра. Вода начала убывать лишь в конце августа. Сенокосные угодья затопило, кормов заготовили мало, и колхозный скот сохранить не удалось. К тому же в холодное лето даже картофель уродился плохо. На войну из поселка ушла большая часть мужчин, две трети ее погибло на полях сражений.

В целях поднятия благосостояния колхозных масс...

Но окончательно посёлок Лапоров исчез в 50-х годах. В архиве сохранились сведения о слиянии колхозов:

«Исполком районного Совета депутатов трудящихся отмечает, что сельхозартель «Северная заря», им. Карла Маркса, «На новом пути» систематически не выполняют государственных планов развития животноводства, рыбодобычи и пушного промысла; рабочей силы в колхозах недостаточно, механизация трудоёмких работ не организована. За 1950 год колхозы имеют задолженность, заработки трудоспособных членов колхоза низкие. Материальное состояние колхозников неудовлетворительное. Из 125 хозяйств 30 хозяйств не имеют своих домов, живут в домах колхозов скученно. 58 хозяйств не имеют в личном пользовании молочно-продуктивный скот. В соответствии с пожеланиями членов колхозов «Северная заря» д.Ванзетур, имени Карла Маркса, «На новом пути» рекомендовать общему собранию укрупнённого колхоза установить размер приусадебного участка колхозного двора в 0,15 га...».

Так записано в протоколе собрания. В объяснительной записке по вопросу слияния колхозов руководство района отмечало, что в укрупнённом колхозе число хозяйств возрастет до 125, а число трудоспособных — до 140 человек. В сравнении с 27 хозяйствами и 34 трудоспособными членами артели в Лапорах это было весомым увеличением. Выполняя рекомендации окружного комитета партии о создании колхозов, однородных по национальности, руководство района в записке указывало, что «основной контингент населения укрупнённого колхоза составит русской национальности 79% к общему числу хозяйств, все остальные национальности имеют незначительный удельный вес. Хозяйственный центр будущего укрупнённого колхоза проектируется в селе Ванзетур как наиболее крупном населённом пункте, имеющем удобные земли для расширения селительной черты. Здесь же сосредоточен крупный массив пахотных земель до 20 гектаров. С 1937 года данный пункт является резиденцией Приобского сельского Совета. Населённые пункты Чуанель и Лапоров мыслятся использовать для производственных бригад».

После слияния колхозов прогнозировалось развитие животноводства и звероводства, рыбного, охотничьего и кустарного промысла, теплично-парникового хозяйства. Особые надежды возлагались на возможность механизировать процессы в сельском хозяйстве и полностью электрифицировать хозяйственный центр. За объединение проголосовали 32 колхозника, против — двое. Так, «в целях создания экономически мощного колхоза, широкого применения механизации в производстве, укрепления имеющегося общественного хозяйства и его дальнейшего развития, наконец, в целях поднятия благосостояния колхозных масс», прекратили своё существование два переселенческих колхоза.

...А в скором времени опустели дома, люди переехали на новое место жительства — и заросла крапивой чья-то малая родина...

Бадьин Семен Яковлевич

1894 г., колхозник, колхоз «На Новом пути», жена – Глафира Романовна, 1894 г., дети: Мария, 1926 г., Клавдия, 1929 г. В 1930 г. раскулачены и высланы по классовому признаку из Челябинской области в с. Лапоры, Березовского района, Тюменской области. В ссылке родилась дочь – Нина, 1935 г. Реабилитированы УВД Челябинской области 19.02.1993 г.

Бадьина Глафира Романовна

Родилась в 1894 году в станице Наваринке Агаповского района Челябинской области.

В 1930 году семью раскулачили и вывезли в Березовский район. Жили сначала в Шайтанке на подселении, затем в землянке. Спецпереселенцев перевозили в поселки Нергу, Игрим, Ванзетур, Лапоры.

Весной 1935 года семья Глафиры Романовны обосновалась в Лапорах. Жили в бараке с другими семьями, в общей сложности 16 человек.

Раскорчевывали землю под огород, садили картофель.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Глафира Романовна работала в Лапорском колхозе «На новом пути». Делала кирпич, глину для которого месили ногами, косила траву, работала телятницей. В 1943-1944 гг. была уборщицей, истопником в колхозной конторе и на заезде двора, убирала бондарную мастерскую и топила колхозную баню.

В 1954 году с семьей переехала в Березово.

Похоронена в 1992 году в п. Березово.

Пестрякова Мария Семёновна

Родилась 1 января 1926 года в поселке Наваринка Челябинской области.

В 1938 году окончила 4 класса Лапорской начальной школы, а в 1941 окончила семилетку в Ванзетуре.

Началась война. До октября 1942 года работала в колхозе: на сенокосе, на рыбалке, на заготовке хвоща и тала, а также на лесозаготовках. В лесу взрослые валили кедрач и отделяли свободную от сучьев часть ствола, подростки обрубали сучья с оставшейся части и сжигали их. Норма — 8 вершин, а сучья были до 10 см в диаметре. Весну и начало лета 1942 года рыбачила с отцом в Новинских сорах Тари-Тур, там за работу выдали целевые талоны на продукты и товары.

Лето и осень 1942 года рыбачили на Елочных песках и на Грязном песке недалеко от Игрима. В феврале 1945 года поехала работать в Пельвожскую начальную школу-интернат. Затем год проработала в Тегинской школе-интернате. На следующий год перевели заведующей в Новинскую начальную школу, потом была Лапорская начальная школа. Затем два года в Березовской вечерней школе занималась с допризывниками, не окончившими начальную школу. Потом работала в Березовской средней школе.

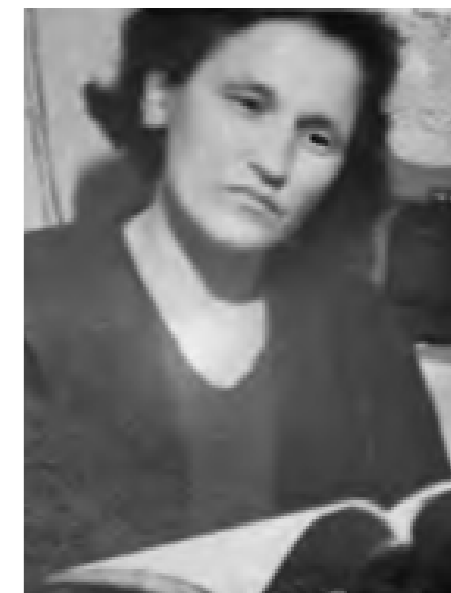
По совету лечащего врача уехала в Краснодарский край, но в мае 1970 года вернулась в Березово и работала в начальной школе заведующей, проработала до пенсии. С мужем вырастили и воспитали дочь и троих сыновей. В настоящее время Мария Семёновна живет в Березово.

<http://молодежь-югры.пф/index.php/okruzhnye-novosti/14-meropriyatiya?start=406>

Воспоминания Пестряковой (Бадьиной) Марии Семеновны (по тексту, опубликованному в альманахе «Русский мир» № 3, 2010 год).

Мои родители Бадьины Семен Яковлевич и Глафира Романовна были уроженцами станицы Наваринской Агаповского района Челябинской области. Их основное занятие – земледелие и скотоводство. Отец до революции обрабатывал 70 десятин земли, держал до 30 голов лошадей и столько же крупного рогатого скота и до 50 голов овец.

В январе 1930 года семью раскулачили, все имущество отобрали, нас (родителей, меня и сестру Клаву) отправили поездом до Тюмени, затем санным путем вывезли до Тобольска. Из Наваринки нас отправили 5 марта, в Тобольск нас привезли 22 марта. Наш путь из Тюмени до Тобольска продолжался 9 суток.

Запомнилось, как ехали от Тюмени до Тобольска на лошадях. Я сидела со стариками Арзамасцевыми. Папа в сером драповом пальто иногда подходил к нашим саням и вынимал из-за пазухи кусочек хлеба и давал мне «гостинец» от зайчика или от лисички.

По рассказам мамы она с четырехмесячной Клавой сидела на возу с поклажей. Чтобы она не упала, ее привязывали к саням веревками. А мне хотелось, чтобы мы обогнали солнце, но этого тоже не случилось.

«*Помню полумрак Тобольской церкви, трехъярусные нары. Скорбные лица около детских гробиков. Свирепствовала корь.*»

В Тобольске семьи раскулаченных жили в церквях до 22 мая. 22 мая нас погрузили на пароход «Китаец», на котором мы были доставлены сначала в Березово, а затем в Шайтанку.

Переезд от Тобольска до Березова запомнился одним случаем. Мы в трюме, темно. К потолку подвешена на пружине зыбка, в которой лежит Клава. Мама поддерживает ее руками и унимает меня, чтобы я сидела на месте. Стоит мне только шагнуть, как полу уходит из-под моих ног. Женщины вокруг плачут и молятся. Как я узнала после, мы плыли на допотопном пароходе «Китаец» и попали в шторм.

В Шайтанке нас поселили в доме зырян Бабиновых. Родители вырыли землянку вместе с семьей Лаишевцевых, куда мы вскоре переселились. А летом 1931 года нас переселили во вновь построенные бараки. Отца отправили на рыбалку в Некргу, а мы с мамой зимовали в Шайтанке. Летом 1932 года нас катером отправили в Нергу. Добирались до нового места назначения 8 суток – с 27.0 до 5.10. Все годы наших скитаний мы жили в нищете и голоде. Правда, нам помогли папины родители – выслали денег на покупку коровы. Мы купили ее на двух хозяев (с Таскаевыми). Затем купили другую корову, и мы нашу Беянку перевезли в Нергу. Она-то и спасла нас от гибели.

Времена были тяжелые: от голода и болезней вымирали целыми семьями. Осенью 1934 года нас погрузили на плоты (разобрали все дома в поселке) и отправили до Ванзетура. Землю покрыл снег, появились забереги, по реке плыла шуга, а сено осталось в Нерге. Родители по снегу накосили сена и корову спасли.

Зимой 1935 года отца отправили на рыбалку под Салехард в поселок Пуйко. А нас весной (в мае) этого года на плашкоуте перевезли на новое место в поселок Лапоры. В Лапорах нас поселили в бараке, в котором жили две семьи (5 человек Бадьиных и 6 человек Тороповых).

Наши нары располагались рядом с дверью. На нарах спали родители, с сестрой Ниной, а мы с Клавой на полу. Сколоченный из досок на скорую руку стол и нары – вся наша мебель. Посреди барака стояла большая русская печь, но она помещение обогревала слабо, рядом с печью в зимние дни ставили «буржуйку», на которой мы, ребяташки, пекли ломтики картофеля, прилепляя их к бокам печи.

Ну, а в мае 1935 года мама сразу занялась разработкой и расчисткой огорода (надо было выкорчевать оставшиеся пни и вскопать целину). Посадили четыре ведра картофеля. Осенью собрала 40 ведер.

Осенью приехал из Пуйко папа, но в 1936 его отправили рыбачить в Нергу. Папа там летом убил лося, засолил его, и зимой мы ели супы из лосятины. Мясо было очень жирное.

В Нерге папа однажды взял меня на рыбалку. Плыли мы с ним на маленькой лодочке – колданке. Проверяли сети. Варили уху. Поселок Нерга находился в лесу и был мрачный. А тут – столько света, такое раздолье. Тихая неподвижная гладь реки и озера. Деревья и кусты, отражающиеся в воде. Все так красиво! Перетаскивал папа колданку на озеро. Там тоже стояли сети. Папа поймал мне утенка, но я его не удержала. Утенок нырнул в воду реки и не вынырнул. Был так его жалко.

В 1938 году летом у нас сильно болела Нина. Медпункта в поселке не было. Однажды у нее был приступ, Нина начала задыхаться. Побежали за мамой на работу. Но когда мама прибежала домой, дыхание у сестры нормализовалось и она дремала у меня на руках. Ясли не работали, их еще не было. Надзор за сестрой был возложен на меня, но я, когда она днем спала, убегала играть, за это мне от мамы попадала.

Денег за работу в артели платили настолько мало, что их не хватало даже на хлеб. Мама покупала овсяную крупу (она была дешевле), толкла ее и пекла из нее толстые блины, очень невкусные. Несмотря на голод, ели мы их только для того чтобы набить пустой желудок. В Лапорах мы уже не ели хлеб с добавлением древесной коры с толченых рыбьих костей. Через год увеличили площадь огорода, появился свой картофель, было свое молоко, правда, Беянка больше шести литров в сутки не давала, но все же это было большое подспорье в эти полуголодные годы.

В 1936 году у нас заблудилась в лесу Клава. А было так. Нам папины родители прислали желтый х/б платок, цветастый, с кистями. И мы в это утро его не поделили, платок достался сестре. Она взяла глиняную мисочку (мама работала на кирпичном заводе в лесу за соймом). Клава пошла собирать ягоды в лесу и заблудилась. Искали ее весь день до позднего вечера. А ночью ее привезли Пашины. Она вышла на берег, увидела лодку и стала звать на помощь, платок она потеряла, зато принесла домой полную миску черники, а сверху – огромный подберезовик. Утром мама купила нам белого хлеба, и мы с удовольствием ели его с простоквашей. Наутро искусанное комарами в лесу лицо Клавы распухло, глаза превратились в узкие щелочки.

Затем Клаву обожгли в бане. М. Кузнецова очень любила париться и вылила на каменку целый ушат воды. Вода проникла в печь, из печи выбросило горячий пепел, угли. Клава стояла рядом. Ей обожгло спину, ноги. Ее отвезли в Нарыкары. Там она целый месяц лежала в больнице. Долечивалась дома.

В 1938 году к нам приехали папины родители: дед Яков и бабушка Дарья. Они привезли кое что из припрятанных маминых вещей. Приехали они в августе, а в

конце сентября пришла телеграмма о том, что тете Наташе, папиной сестре, сделали операцию, и старики вернулись в Наваринку, так как боялись, что останется безнадзорной ее тринадцатилетняя дочь Наташа.

В 1938 году я закончила 4 класса и меня отправили учиться в Ванзетур. Страшно скучала, плакала. А как только устанавливался санный путь, еженедельно ходила домой. Отправлялись в субботу после занятий, а в обед в воскресенье топали обратно в Ванзетур.

В 1941 году я закончила 7 классов. В июне началась война. Мои одноклассницы уехали на учебу, а у меня не было свидетельства о рождении, поэтому я в этот год осталась в Лапорах, работала в колхозе на сенокосе, на заготовке тала и хвоща, на лесозаготовках, на рыбалке.

На лесозаготовках мы, подростки, обрубали сучья с кедров, и жгли их. Надо было за день обрубить и сжечь сучья с восьми вершин. Из кедровых стволов в поселке делали заготовки для ружейных прикладов.

Лето 1941 года было холодное, уровень воды был на два метра выше обычного. Зима снежная и суровая. Поздней осенью и весной я была занята на рыбалке. Весной мы рыбачили с папой, в Новинских сорах – Тари-Тур и Мос-Тур. Это больше десяти километров. Сети были хлопчатобумажные, их ежедневно нужно было снимать, просушивать, предварительно вытряхнув из них траву, а вечером - ставить.

Рыбу ездили сдавать в ледник ежедневно. Ежедневно приходилось на гребях плыть до тридцати километров. Рыбалка была удачной, нам выдали целевые талоны на продукты и товары.

В конце сентября 1942 года мне пришел вызов из Салехарда и я уехала на учебу. Училась я в Салехардском педучилище. В феврале 1945 года меня и Надежду Сокур отправили на работу в Пельвожскую начальную школу-интернат. В 1947 году я устроилась на работу в Тегинскую начальную школу, а в 1948 году меня перевели в Новинскую начальную школу заведующей, а в 1950 году переведена в Лапорскую начальную школу. В 1954 году по семейным обстоятельствам переехали в Березово.

ЖИЛИНА Анастасия Фёдоровна

Родилась 11 ноября 1926 года в Челябинской области.

С 1941 по 1944 год рыбачила в Лапорском колхозе, добывала рыбу и резала тал для кормления скота, т.к. в то время была большая вода, луга были затоплены. В 1944 году довелось идти на гребях от Лапор до Игрима, куда отправили ловить селедку. За сданные на приемный пункт уловы тогда не дали ни денег, ни хлеба, только по окончании всей работы выдали по мешку муки, все этому были рады очень.

В декабре 1944 года устроилась в Игримский рыбокооп продавцом и работала до 1945 года. Когда закончилась война, все очень радовались. Стали возвращаться с фронта бойцы. В 1946 году Анастасия Фёдоровна вышла замуж, через год родился сын Юра. В 1946 году, переехав в Берёзово, начала работать на стеклозаводе, затем до выхода на пенсию — в Березовском рыбокомбинате бухгалтером. Когда работала, вела общественную работу, распространяла среди неработающего населения облигации, вела на общественных началах профсоюзную финансовую работу в Березовском рыбокомбинате.

Есть внуки и правнуки. В настоящее время Анастасия Фёдоровна живет в Берёзово.

<http://молодежь-югры.рф/index.php/oni-kovali-pobedu/okp-berezovskij-rajon>

Воспоминания Жилиной (Колмогорцевой) Анастасии Фёдоровны, записаны 8 августа 2015 года в пгт. Березово:

Между Лапорами и Вазентуром, это поселок Вазентур, он знаменитый сейчас у нас поселок, под газом который. Между ними большое болото, страшное болото. У нас кто-то ученики даже тонули в этом болоте ходили учились когда из Лапор. До такой доходило, у меня сестричка была, млаже на два года, меня помоложе. Их учительница не отпускала домой, что погода плохая, вы потеряетесь в болоте, болото очень большое, страшное. А они все одно пошли и провалились сильно, заморозились. Заморозили ноги, ноги были приморожены даже к валенкам. Домой когда пришла она, мама даже ахнула. Они ее в русскую печь вместе с валенками затолкали, ногами туда в печку, чтобы валенки отошли от ног. Вот до каких пор дети шли.

Родители наши были сосланы сюда из Челябинска. Казак был у нас папа, Приуральский казак он был, числился так. Я даже год его знаю 1896 года папа наш, а там еще родители еще старше были. Его одного сослали. А мама там же в Челябинске жила. Она с папой одногодка. Парасковья Григорьевна Скотинцева. А папа Кол-

могорцев был. Они вместе жили долго, дружно жили, дружная была семья. Папа Колмогорцев Федор Яковлевич, он хороший хозяйственник был, очень хороший, у него нужно было только учиться хозяйству. Он сильно хозяйственный был. Он пить не пил, знал, когда выпить и знал как работать еще. У нас папа по праздникам только. Он трудился очень хорошо, знал и понимал, что к чему нужно делать.

Алексей Вертков (далее А.В.): - За что выслали их?

Я также маме вопрос задавала. Сослали вас за что хоть?

А мама говорит: - Не знаем сами даже за что. Мы трудились сами.

- Вы наверно подсобных рабочих очень много держали?

- Мы все сами делали. Никого у нас не было. Мы если нанимали человека два. В хорошую погоду, чтобы убрать хлеб, чтоб мука была хорошая. Мы рассчитывались сразу на земле зерном. Мы не в долгу были перед ними. Никогда.

Тетя Граня (Глафира Романовна Бадьина. Родилась в 1894 году в станице Наваринке Агаповского района Челябинской области. В 1930 году семью раскулачили и вывезли в Березовский район. Прим. Вертков А.М.), мы с ней вместе рыбачили на Оби. Я сама еще молоденькая была, я работала с тетей Граней Пестряковой (фамилию называет по дочери Пестряковой(Бадьиной) М.С. Прим. Вертков А.М.) . Тетя Граня она меня знает, потому, что я была очень послушная девочка, исполнительная. Из воспоминаний Стоматовой Н.Н. о Бадьине С.Я. (по рассказам её матери Лаишевцевой Т.Я.): «Семен Яковлевич уже побрился и завтракает, а ты все спишь. Жили в одном бараке, отделяла только занавеска, он отвечал, что завтрака-то нет на столе. Тогда мама стала ставить на стол пустые чашки, отец поднимет голову, увидит, что все на столе и встанет». Семен, он бригадиром был у нас. Она тогда его кричала:

- Семен, вставай, девчонки уже встали.

А он все еще спит. Тянется. Вот такой Пестряков, тети Грани муж. Он старенький был тогда уж, в таких годах как наши родители. Попала я в их бригаду, рыбачкой была. Рыбачили нельму, мне все рассказывали. У нас бригадир он был спокойный такой мужчина. Он говорит:

- Захлестывай, вон нельма идет, она хвостом как ударит по тетиве, она сразу уплывает нельма.

А я как захлестну, в мешок сразу её. А бригадир сразу говорит:

- Раз ты её спасла, она живая эта нельма, неси маме своей, чтобы она пирог стряпала тебе.

Родителям не разрешали добрую рыбу брать.

А.В.: Со сколько лет рыбачили?

Молоденькая, с 26 года я, сколько мне было-то. Совсем малюсенькая.

Трудились день и ночь мы не знали покоя. В чем работаем, в этой робе все ложи-

лись спать – отдыхать на землю, под полог, без полога не полежишь, тебя комары загложут.

У меня бабушка была по папе, она меня сильно любила и я все:

- Бабонька, миленька возьми меня к себе. Здесь так плохо, так плохо.

Комары заглодали и я все бабоньку кричала.

Родители отмечались в милиции, каждую неделю отмечались, что живы-здоровы.

А.В.: - Сбегали кто-нибудь из Лапоров?

Они как могут сбегать-то? Собаки были, за ними следили. Сильно строго было. Ссылных уже не считали людьми. Под конвоем вели их строго и собаками сопровождали всегда, так что никуда не убежишь.

А.В.: - В школу детей отпускали?

В Ванзетуре школа была десятилетка. Я десять классов закончила. Дальше папа не стал меня отпускать:

- Куда ты маленькая такая поедешь? Потеряешься в городе где-нибудь.

А я росла была худенькая такая слабенькая девочка, а работать работала. К школе не держали – пожалуйста, учитесь. Затем в рыбкоопе работала.

Я папу сильно любила. Мама как-то много не знала, видимо меньше вращалась, папа больше вращался. Папа больше знал всего и папа меня учил ко всему.

В Лапорах школа маленькая была. Начальная.

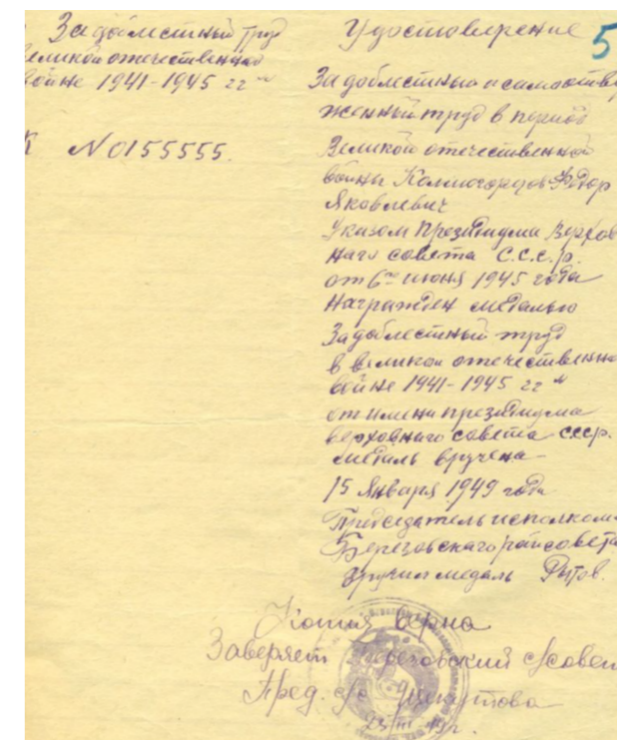
Родина моя была в Челябинске, деревня Ужовка Долгодеревенский район. Ванзетур вторая родина стала. Родители потом там жили. Ванзетур вторая родина им стала вместо Челябинска.

Колмогорцев Федор Яковлевич

Родился в 1896 г., П.Ужовка Челябинский р-н Челябинская обл.; русский; Проживал: Челябинская обл..

Приговорен: в 1930 г. Приговор: спецпоселение - Березовский р-н Тюменской обл, осв. 28.02.1950 Реабилитирован 11 февраля 1993 г. ИЦ ГУВД Тюменской обл.

Колмогорцева Парасковья Григорьевна

Удостоверение медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Колмогорцев Ф.Я.

Родилась в 1892 г., П.Ужовка Челябинский р-н Челябинская обл.; русская; Проживала: Челябинская обл..

Приговорена: в 1930 г. Приговор: спецпоселение - Березовский р-н Тюменской обл, осв. 28.02.1950 Реабилитирована 11 февраля 1993 г. ИЦ ГУВД Тюменской обл.

Источник: ИЦ ГУВД Тюменской обл.

Пашнин Александр Васильевич

01.04.1933 г.р., проживает в п.Каскара Тюменского района Тюменской области. Воспоминания написаны 03.08.2015 г.

7283. Пашнин Иван Михайлович, 1886 г.р., жена – Анна Степановна, 1886 г.р.; сын – Василий Иванович, 1907 г.р., сноха – Мария Пудовна, 1908 г.р.; дочь – Лидия, 1919 г.р.; дочь – Евгения, 1922 г.р., дочь – Парасковья, 1927 г.р. В 1930 г. раскулачены и выслааны по классовому признаку из д.Кошкуль, Бродокалмацкого района, Челябинской области в п.Лапоры, Березовского района, Тюменской области.

На спецпоселении родились внуки: Александр Васильевич, 1933 г.р., Галина Васильевна, 1936 г.р., Валентина Васильевна, 1940 г.р., Николай Васильевич, 1945 г.р., Клавдия Васильевна, 1947 г.р.

Реабилитированы УВД Челябинской области 03.08.1993 г.

https://72.mvd.ru/gumvd/structure/app_guvd/Informacionnij_centra/Reabilitirovannij_lica/24

Воспоминания детства

Деревня Лапоры выросла (родилась) на берегу реки Обь в 1931 году Тюменской области.

Со слов деда Пашнина Ивана Михайловича и Матери Марии Пудовны.

В 1930-31 годах раскулаченных «кулаков» выгнали из собственных домов и обозами вывозили в Тобольск. Весной 1931 года погрузили на баржи и пароходом направили на север по Оби осваивать дикие таежные

Последние жители Лапор, 1958 г.
Фото из архива Пашнина Александра Васильевича

места. После Самарово пароход-караван местами останавливался. Частями высаживали в населенных пунктах: Перегребное, Шеркалы, Кондинск и плыли дальше. Очередная остановка на границе Березовского района. Левый берег Оби. Тайга. Ни одного дома. Командующий по охране зачитал около сорока фамилий выгружаться на берег. В этом списке была семья Пашнина Ивана Михайловича – глава семьи и 7 членов. Вопрос не обсуждался. Тихо все расположились на берегу. Потом перешли в лес, далее от берега.

Высадили народ на выживание. Трудности не испугали крепких мужиков-кулаков. На первый случай построили землянки. Для капитального строительства выбрали место – гору со склонами на все стороны. Вырубали лес, строили дома на 4 квартиры, разрабатывали землю для полей, собственных огородов. Обжигались капитально. Перед войной из одного дома оформили клуб, красный уголок. Занимались ликбезом. Мать научилась писать, читать работая дояркой.

«Кулаки» народ работающий, золотые руки. Наладили все деревенское производство. Выстроили свой кирпичный завод. Кирпич продавали в район. Наладили производство для продажи: телеги, сани, кошовки, гончарное производство (посуды не было), изготавливали бочки деревянные для посолки рыбы, гнали смолу, кузница была хорошая. Образовали колхоз «Лапорский». Разводили рогатый скот, лошадей, садили картошку, сеяли зерновые. Сеяли зерно мой дед и дед Титов Александр Петрович из лукошка бросали. Я на лошади боронил, закрывал семя.

В деревне ребяташек рано привлекали к работе. Дети 8-10 лет умели ездить на лошади верхом – на работу на покос, сажать картофель, боронить. Помню садили картофель на южном поле (это склон ко кладбищу). Комендант приехал на лошади из Вонзетура и сообщил, что началась война. В деревне не было ни радио, ни электричества.

До 1945 года пароходы работали на дровах. У нас тоже заготавливали дрова для пароходов. Вывозили на берег Оби – называлась пристань. Заготавливали все. Моя тетка Евгения Ивановна в паре с Лаптевой Анной работали. Заготовка шла только зимой.

Придут из леса – тетя плачет: «За что нам такое наказание, по пояс в снегу, холод, полураздетые.» Им было по 20-23 года. Работали с раннего утра до потемок, чтобы выполнить норму. Загружать дрова останавливались пароходы. Мой дед отпуская дрова пароходам и оформлял документы. Колхозникам была маленькая поддержка. Продавали картошку, ягоды, грубы, орехи и др.

Пашнин И.М. с женой, сыном Василием и снохой Марией
п. Лапоры, август 1951г.

В колхозе строго держали дисциплину. Время начала работы и окончание били в железную бочку. Во время войны поднимали и опускали флаг на высоком столбе. Рулила этим соседка – Титова Мария.

Техники в колхозе не было никакой. И вот в 1947 или 1948 году колхоз купил старый катер «Маяк». Сколько было радости и надежды у колхозников. Большие неводники будет таскать. Радовались рано. Он постоянно стоял на ремонте. В березово уплывет по течению, а обратно проблемы. Не было своего моториста. Нанимали со стороны. Эти проблемы залегли в мою душу. Помочь трудовому народу техникой – стало моим девизом в жизни.

В 1950 г. окончил в Березово 8 классов. Поступил в Ханты-Мансийске в переходную школу ЮНГ на отделение механизации. После окончания войны бывшие воины получили свободу от спецпоселения. Семьями стали выезжать. Деревня чахнет. По амнистии 1955 года остатки жильцов потихоньку покинули деревню.

Так безславно закончилась судьба деревни. Около 30 лет существовала (жила). Короткий век.

По моему личному мнению деревня Лапоры названа по имени речки соединяющей р. Обь. С р. Сосьва (Вонзетур) Лапорская протока. Последний раз по ней проехал на лодке Лапоры-Ванзетур-Березово в 1958 году. И больше не был в родной деревне. Родился и жил в Лапорах с 1.IV-1933г. по 1949г.

*Семья Лаишевцевых.
Фото из архива Стоматовой Н. Н.*

Стоматова (Лаишевцева) Наталья Николаевна

Мои родители : Лаишевцев Николай в возрасте 22 лет и Лаишевцева Таисия Яковлевна 21 год, были раскулачены и вывезены из пос. Наваринка в 1930 г. 5 марта.

В то время у них было уже две дочери : Таисия 2,6 года и Анастасия 11 месяцев. Отец в то время был на строительстве города Магнитогорска.

Маму с двумя детьми вывезли из посёлка одну, с семьёй деда Лаишевцева Семёна Степановича и бабушки Лаишевцевой (Филатовой) Пелагеи Ивановны, их сыновьями Митрофаном и Антоном. А старшие их дочери Филатова (Лаишевцева) Парасковья и Сапожникова (Лаишевцева) Анисья уже были

замужем и оставались на месте.

На лошадях их довезли до Магнитогорска и поместили в барак. Отцу сказали, что видели его семью, но он не поверил. «Нет, нас без выселения», - сказал он. Но когда зашёл в барак узнать, его назад уже не выпустили, а вещи, которые были с ним на работе, передали. Потом их погрузили в «телячьи вагоны», в которых были сделаны нары в три яруса, а в центре стояла буржуйка – железная печка, так как было ещё холодно. Буржуйку однажды так раскочегарили, что она раскалилась, покраснела, весь вагон притих. Люди понимали, если случится пожар, то все сгорят, так как вагоны закрывались снаружи. Иногда поезд останавливался и тогда людей выпускали из вагонов под надзором охраны. Люди выбегали из вагонов глотнуть свежего воздуха и справить свои естественные нужды. Сидели здесь же рядом с вагонами. Вот в такие условия были поставлены люди. А за что? За то, что трудились, не зная отдыха, и служили своему Отечеству.

Посёлок Наваринка был казачьей станицей и дед мой Семён Степанович был казаком и прадед Степан тоже. Оба они отмечены правительственными наградами: крестами и медалями.

Так они доехали до Тюмени. От Тюмени их опять повезли на лошадях. Мама и бабушка сидели на санях, так как были маленькие дети, а мужчины, подростки и женщины, у которых не было детей, шли пешком. Отец и дед по очереди следили, чтобы сани ни перевернулись на поворотах или на ухабах. Иногда дед приносил старшей внучке то конфетку, то сахарок от «Лисички». Дети в дороге задыхались. Приезжали на заезжий двор, чтобы накормить и сменить лошадей. Этим, воспользовавшись, люди отдыхали. Разворачивали ребёнка, а он мертв. Оставляли его местным жителям, чтобы его похоронили и ехали дальше.

г.Тобольск.

Фото у гроба ребенка во время
эпидемии кори.

Слева направо: Лаишевцев
Семён Степанович, Лаишевцев
Николай Семёнович, Лаишевцев-
ва (Пилинцова) Таисия Яковлев-
на, Лаишевцев Фёдор Никола-
евич, Лаишевцева (Филатова)
Пелагея Ивановна

Фото из архива
Стоматовой Н. Н.

Перед поездкой на высылку мама нажарила и засушила мяса, этим и спаслись. В кипяток бросали это мясо и лапшу, которую она тоже наготовила. А бабушка положила в мешок целые куски мяса. На одной из остановок у неё мясо выгрузили из мешка, а туда положили навоз. Когда собрались ехать, обнаружили, а кому пожалуешься - «Враги народа», вытряхнули говьяки, свернули мешки и поехали дальше.

Так доехали до Тобольска. В Тобольске поселили в церковь, на горе, в «Тобольский Кремль». Прожили там три месяца, опять же на нарах в три яруса. Начались голод, мор, болезни. Каждый день умирали десятки людей. Если в дороге мама сохранила своих детей, здесь она их не уберегла. Девочки умерли одна за другой в течение недели. Когда заселились в церковь, детей было много, они бегали, а через месяц остались единицы. В церкви стояла тишина. Мама очень тяжело переживала потерю.

Когда вскрылась река их погрузили на пароходы и повезли вниз по Оби. Довезли до Шайтанки и там расселили по квартирам, по 2-3 семьи в комнате, а семьи были не маленькие, по 6-7 человек. Мужчин отправили на рыбалку и корчёвку леса. Прожили лето. Осенью дед предложил своим сыновьям, моему отцу и двум его братьям строить землянку, уже начались заморозки. Дед расчертил план и начали вырубать пласты земли, их аккуратно складывали в стороне.

Выкопали 1-1,5 метра земли, оставили место для печки, не копая. В лесу заготовили брёвна, обложили низ тёсом и положили небольшой сруб. В Берёзове купили две рамы. Наверх набросали плотно жердей и закрыли пластами земли. Печку сложили из глины, замешивая её прямо в вырытой для землянки яме. На то место, где должна стоять печь, положили вязанку дров и стали лепить печь по вязанке дров. Вывели трубу и настелили пол. Когда печь просохла, затопили печь, дрова горели и обжигали глиняную печь. Так вот и построили свою землянку к зиме.

Не дожидаясь когда просохнет печь перешли в свой угол. Землянка получилась просторной и большой. Сделали нары, столы и стали обживать. Но одни жили не долго, вскоре перешли к ним Бадьины – Семён Яковлевич с семьёй, а затем Пилинцов Иван Антонович. Это были тоже наваринские переселенцы. С Бадьиными прожили всю ссылку вместе.

В этой землянке родился мой старший брат Григорий. Весной, в 1932 году, их перевезли в Нергу и там начался страшный голод. От непосильного труда и голода люди умирали. В 1932 году умер мой дед Семён Степанович. Ему было 52 года. В это же лето умер и младший брат отца Антон.

Мама рассказывала: «Они копали целину. Дали всем по метру в ширину. Дед отставал. Они оставляли ему всё меньше и меньше. Он не мог копать и шириной в одну лопату. Положили лопаты и пошли в лодку. Антон его оставил в лодке и бегал смотрел жив он или нет.»

Дед дожил до вечера. А вечером мама кормила его с ложки, он не мог держать даже ложку, у него не разгибались руки. Он плакал: «До чего я дожил, ты, Таечка уже с ложки меня кормишь». Вскоре дед умер, мама была дома одна.

В это лето отравились отец и его брат Антон. Они поехали на рыбалку. С берега их окликнули знакомые, они тоже рыбачили, и бросили им в лодку три корня, сказав, что корни очень вкусные, походят на морковь. Отец съел один большой, а брат два маленьких корешка. Через некоторое время почувствовали себя плохо. Когда возвращались увидели, что женщина уже мертва, а мужчина стоит, держась за дерево, и пинает её. Когда вернулись домой, отец сказал маме, что они отравились, а те, которые дали им корни, уже мёртвые. Мама стала отпаивать отца молоком. И все жители Нерги у которых были коровы отпаивали молоком. А брат, ему было всего 16-17 лет, не пил молоко, сжав зубы, когда его пытались напоить. Потом его стало ломать, трясти, отбрасывало от пола на полметра, поворачивало вверх ногами, так его ломало и бросало, он становился не управляемым и диким. Увезли его в больницу, в Берёзово, он умер через неделю. Похоронен в Берёзово.

А отец выжил, но страдал от этого отравления всю жизнь, не мог ни есть нормально, ни спать. Когда засыпал, его так же начинало ломать и выворачивать руки. Он, чтобы не волновать маму, уходил на чердак и там работал всю ночь, делал топоры или ручки к ножам, то есть занимался, чтобы руки его слушались.

Когда брату было три года, их повезли на новое место. Осенью приехало начальство и всех заставили ломать бараки в которых они жили, вязать плоты, выносить пожитки. Люди сделали какие-то запасы: ягоды, грибы, орехи, соленья. Всё это составили на плоты, но все выставили на берег, очистили сундуки, забрали все запасы, всё выгребли и только потом разрешили грузиться на плоты.

Отец в это время был на рыбалке, где-то на Пуйке. Мама выезжала из Нерги с трехлетним сыном и со свекровью. В то время у них была уже корова, купленная на две семьи, вместе с Пилинцовым Иваном. Он хотел забрать корову и погрузить на свой плот, но мама не дала, сказав: «Корову я не дам, так как у меня маленький ребёнок, без молока он погибнет. Берёте корову, берите и меня на плот».

Пришлось им потесниться. Так она поплыла на плоту за мужчину, управляя шестом. По реке Северной Сосьве спускались вниз, было много поворотов, коряг и наваленных деревьев. Мама трижды тонула. Один раз её сбilo шестом, она упала в ледяную воду, просила Пилинцова Ивана подать ей руку, помочь вылезти из воды. Он не помог, сказав: «Замочишь мне рукавицы». Так она выбралась сама, мокрая, обледеневшая, переоделась и опять на свой пост. Все пожитки были на плоту, был сделан балаган, там же на плоту располагалась и корова-кормилица. Иногда останавливали плоты у берега и ночевали на берегу. Разгребали снег, на этом месте разводили костёр, и когда земля оттаивала и нагревалась, стелили на это место постель и накрывали пологом. Так и ночевали в лесу, на берегу среди тайги и снега.

Второй раз тонула, когда выносила постель на берег, края у плота обледенели, она поскользнулась и упала в воду. Хорошо, что не уронила в воду постель, то и спать было бы не на чем. Это было у берега, и она выбралась сама. В третий раз, когда она пошла, доить корову. Тут уж она не выдержала и расплакалась. Бабушка её успокоила, помогла переодеться, напоив её горячим чаем, уложила в балаган.

Однажды, когда они, как бурлаки, тянули бичевой свои плоты по крутому берегу, мама, внизу на реке, увидела лодку. В лодке сидел какой-то человек, смотрел вверх на людей и улыбался. Мама думала, что это хант, но это оказался отец в чужой одежде, так как вся его одежда сгорела в балагане, а они успели выскочили в чём были. Поэтому мама его не узнала. Теперь ей стало легче, так как плотом стал управлять отец.

Когда выплыли из Северной Сосьвы на большую воду Оби, начался шторм, волны захлёстывали плоты. Подошёл катер, стали кричать в рупор, чтобы отдали детей, так как все могут погибнуть. Мама спросила у бабушки: «Что будем делать, отдадим Гришу?» Бабушка ответила: «Тонуть, так тонуть всем вместе, что он останется сиротой, ничего хорошего.» Затем подошёл ещё один катер и детей с родителями переправили в трюм, а мужчины остались на плоту. Плот подсоединили к катеру, и он поплыл до места назначения.

Так они добрались до своего последнего пристанища посёлка Лапоры, моей родной деревни, моей «малой родины». В пути они были целый месяц.

В Лапорах их поселили в бараке, он был не разгорожен. В центре стояла русская печь и камин, а в четырех углах жили четыре семьи: Балашовы – 7 человек, Шеметовы, мои родители и ещё какая-то семья, я не помню. Детей было много, детсадов и яслей не было. Старшие работали от зари до зари, а дети были дома одни.

- Однажды, - мама рассказывала, - детям в школе дали задание принести 2-3 ведра золы для удобрения. До этого мама навела порядок в своём уголке, навели порядок и остальные в своих углах. А когда пришли с работы, то не узнали своего жилища, все вещи были покрыты серым налётом, и пол, и стены, всё было серое. Оказывается, это так добросовестно выполнила задание Тайка Балашова. Она выгребала золу из печки и просеивала её через сито, чтобы не было больших углей. Пришлось делать уборку и белить заново.

Жили без ссор и скандалов. Вечерами дети пекли на печке ломтики сырой картошки - лакомство, рассказывали сказки. Обычно просили рассказывать маму, так как семья у неё была небольшая. Чтобы не мешали, говорили: «Таечка, да успокой ты их, рассказывай им сказки, пусть слушают.»

Так и жили. В Лапорах была – четырёх-летка, дальше, в пятом классе учились в Вонзетуре – это в шестидесяти километрах от Лапор. Детей увозили до каникул, жили они на квартирах самостоятельно, готовили и стирали себе сами. Иногда родители передавали им продукты с почтальоном.

Мама рассказывала: «У Балашовых был сын Митька, он умудрялся являться каждую субботу, не смотря ни на что. Отец, и бил его, и ругался, чтобы он не ходил, не рвал обувь. Но как субботний вечер, Митька тут как тут. Ему говорили: «Что, Митюшка, зашла задница, за очередной поркой пришёл?».

Во время войны его убили, он погиб, как герой.

В 1937 году родился мой второй брат Валентин. Мама ездила, и на покос, и на рыбалку, и зимой на корчёвку, заготовку дров.

Родители решили строить дом, купили сруб, вместе вечерами и ночами работали на стройке. В этом доме родилась я. Дом был светлый уютный. Я не знала, что это мой родной дом, но он мне нравился из всего посёлка. Потом уже мама сказала, что это наш дом. Продать его пришлось потому, что там каждый год вымерзала картошка, как только не пытались сохранить, жгли костры, но всё было бесполезно. Из леса, из соймы приходил заморозок и вся ботва замерзала в середине лета.

Картошку приходилось покупать. Купили дом на другой стороне улицы, в сторону Оби. Он мне казался тёмным, наверно из-за черёмухи, растущей за окном, да и

Слева направо: Гриша, Фая, Лаишевцева Таисия Яковлевна, Валентин, Лаишевцева Пелагея Ивановна.

Фото из архива Стоматовой Н. Н.

окна были не так высоко от земли. В доме было три комнаты, из них одна – тёплые сени, а из большой комнаты отец сделал ещё и маленькую спальню. На кухне была русская печь, которую сделал Валентин. Он так же слепил её из глины, потом мы на ней грелись зимой и играли. Печь была просторная.

Была ещё голландка или «камин», а в спальне стояла железная печь - «буржуйка». Отец перегоразивал комнату, уже будучи больным. Напротив нашего дома стоял пустой барак, бывший клуб. Мы там играли, полы были новые и крашенные. Рядом был тоже пустой дом, раньше в нём жили Смолины. Мы – дети, решили там играть, старшая и заводила была Верка Дьяченко. Мы подмели пол, все там помыли и решили затопить печь. Когда Взрослые увидели, что из трубы идет дым, вы проводили нас и закрыли на замок.

Мы любили бегать на берег и встречать рыбаков, когда они приезжали с рыбалки. В неводниках было много рыбы, она была ещё живая, мы залезали в неводник и рассматривали рыбу. Рыбаки смеялись и шутили. На берегу стоял старый плашкоут, нам он казался большим и высоким. Мы взбирались на него и играли в путешественников. Там же мы играли в прятки.

В колхозе был свой катер «Рычаг», белый и красивый. Мотористом был на нём Андрей Крейсман. Мы любили наш «Рычаг» и гордились им, бегали встречать и провожать его.

Отца я помню плохо. Запомнился он мне в длинном гусе-малице, стоящим среди кухни или сидящим за столом, на углу скамейки. На кухне, в углу, у нас был стол и вокруг него, вдоль стены, широкая лавка. Отец садился на углу этой лавки, угол которой был скруглён, так как рядом располагалась дверь в комнату. На лавке стояли два чурбака, один побольше и пониже, а другой повыше. На них сидели мы братом Сергеем. А лицо отца я не помню, он был темноволосым.

Родителям было трудно, они работали, а нам, детям, было хорошо, мы не знали, что мы дети «врагов народа». В посёлке были все равны, все были переселенцы. Жили там же ссыльные немцы Думрауф, Руф Крейсман. Первое время медика не было и в больницу ездили за 30 километров в Нижние Нарыкары. Потом приехала такая же ссыльная Екатерина Пантелеевна Козак с Ольгой, шустрой черноглазой дочкой. Она быстро вошла в наш детский коллектив.

Зинка Могильникова

Помню, мне было четыре года, младшего брата ещё не было. У меня не было куклы, а у Зинки была красивая большая кукла. Я до сих пор удивляюсь, как могла мать Зинки сказать: *«Молись Богу, чтобы Зинка умерла, я тебе тогда отдам куклу.»*

И я молилась на западне в кухне рядом с бабушкой. Но бабушка молилась, чтобы мама приехала с операции. Ей делали операцию аппендицита в Берёзово. А мне нужна была кукла. И что удивительно, весной, когда мама ещё не приехала, а Зинка умерла и мы с бабушкой ходили её провожать. Мне казалось, что Зинка лежит вы-

соко, мне было не видно её. Потом я поняла, что я была маленькой, а стол высокий, и на нём стоял гробик с Зинкой, ей было тоже около четырёх лет.

Но куклу мне не дали, её отдали Люське Кузнецовой. Зато приехала мама и привезла мне куклу, которую сшила сама. У неё были тряпичные руки и ноги, и пришита к тряпичному туловищу голова. Однажды я её потеряла. Искали всей семьёй, и отец, и мама, и бабушка. Утром обнаружили её сидящей в малине. То была радость!

Перед войной в Лапоры привезли староверов, в основном женщин с детьми. Они отказывались работать, тогда приехали с комендатуры, чтобы отобрать у них детей и увезти их в детский дом. В посёлке стоял ужасный плач; плакали, кричали дети, рыдали матери. Но детей отобрали, ссадили в сани и увезли Шайтанский детский дом. Тогда матери объявили голодовку. Победа была на стороне матерей и их решили отпустить, что было с детьми, неизвестно, и навряд ли их отдали.

Держали коров, но должны были сдавать молоко в колхоз, телёнка тоже, дома он был только месяц, потом его тоже сдавали в колхоз. Во время войны отец не был на фронте, так как ему сделали операцию на кишечнике, и он не подходил к призыву. Отец работал на лесоучастке и на рыбалке, заготавливали кедр для винтовочных прикладов и ловили рыбу, всё отправляли на фронт.

Мама рассказывала: «Очень голодали, придёшь с работы, а ребяташки сидят на печи и тянут, что есть хотят. А в доме ни крошки хлеба. Ладно, была норма муки. Заварю им эту муку, мучную кашу-клейстер. Они довольные, поедят и спать, и так до следующего вечера.»

Рыбу ловить для себя не разрешали. Как-то поехали за Обь, за черёмухой, на-рвали черёмухи, так их поймали, посадили на целый день, а черёмуху всю отобрали. Вокруг посёлка были поля, садили картошку, сеяли: рожь, овёс. Эти поля были когда-то тайгой, их разрабатывали колхозники, корчевали лес и копали землю. Всю зиму заготавливали дрова для пароходов, складывали их в поленицы вдоль берега. По Оби тогда ходили пароходы на колёсах-лопастях. Очень красиво было смотреть на реку вечером, когда мимо плыл пароход. Он был белый и светился огнями, с него доносилась музыка. Мы - дети, любили на это смотреть, он приветствовал нас гудками. А когда пароход приставал к берегу, к нему бежали люди, несли, кто ягоды, кто орехи и грибы, картошку, молоко, чтобы продать. На пароходе был магазин, можно было что-то купить.

За время войны родители похоронили четырех детей: в 1941 году умерла Фаина; в 1941 году в возрасте 1 год и 9 месяцев умер Володя; в 1943 году в полтора года умерла Зоя. В 1944 году девочка, которой даже имя не успели дать. Дети не доживали до двух лет.

В посёлке не было никакой медицинской помощи, родителей гоняли на работу, не обращая внимания даже на то, что дома остаётся тяжело больной ребёнок. Мы с младшим братом родились после войны, поэтому выжили, да и мама к тому времени стала работать в детских яслях.

За девять лет, что я прожила в Лапорах, не умер ни один ребёнок, кроме Зинки Могильниковой. Детей после войны в посёлке было не мало. Нас двое; у Пашниных двое: Коля и Клава; у Смолиных четверо: Толя, Серёжа, Люся и Виталик; у Дъяченко двое: Любушка и Шура; у Первушиных: Вера, Томка и Нина – дочь Ивана Михайловича Пашнина. У Руф Андрея: Вася и Витя; у Думрауф: Ида, Нина, Ирма и Саша; у Коротаевых пятеро: Тома, Надя, Люба, Вера и Коля. У Катаевых (он был продавцом): Вера и Валера. У Солкуцан Ивана: Витя и Алёша. У Солкуцан Андрея и Тамары сын Витя. У Кузнецовых Петя и Люся. У Рейсман: Гена, Маруся и Аня. У Балашовых – Вова (он жил с бабушкой и дедушкой). У Пестряковых: Юра и Галя; у Ратеевых - Коленька. У лесника Августа - сын Витька.

Все мы росли дружной компанией. Как-то на особицу жили Коротаевы, так как были вольные. Мы зимой катались на санках и нартах с горки, на которой на и высоком шесте находился флаг. Его было видно с реки идущим судам. А посёлок вырисовывался своими бараками на фоне неба, так как посёлок стоял на высоком берегу. Мы затаскивали нарты на гору, садились на них и катились вниз с горы до самой реки.

На реке были проруби, огороженные деревьями. Одна прорубь длинная для скота, в ней поили коров и лошадей, а другая небольшая, из неё брали воду. Носили воду на коромыслах, и пока мама доходила до дома, вода в ведрах покрывалась ледяной корочкой, на ведрах свисали сосульки. А весной на этой же горке, мы объедали молодые побеги сосны и кедра. Запах этих побегов я запомнила на всю жизнь.

А ещё хорошо помню запах печёных шишек. Мама их пекла в печке. Была у нас своя жвачка. Жевали мы смолу с деревьев, окрашивали её цветными карандашами (сердечками) в разные цвета. Бегали в лес, за ледник, там была большая полянка и на ней росло много малины. Были в лесу и по другую сторону посёлка. Лес и вода, вот что нас окружало в детстве. Осенью любили скатываться со стогов соломы и кувыркаться в них. Они находились в поле, за коровниками. Электричества не было, и я любила смотреть, как мама вечером заправляла лампу керосином и зажигала фитиль от огня печи.

После войны мама работала в детском саду. Она была, и заведующей, и воспитателем. С ней вместе работали Мария Кузнецова, Рая Смолина. Помню, вечерами мама пела нам песни, русские народные и водила хороводы: «Во саду ли в огороде», «Ах вы сени, мои сени», «Дрёмушка» и т. п.

После смерти отца детские ясли находились у нас дома, они занимали среднюю комнату, в ней стояли детские кровати, а на печке у нас постоянно находились младенцы, так как матери, после рождения ребёнка, уезжали либо на рыбалку,

либо на остров, где были коровы, и жили там неделями. Мама выхаживала этих малышей с недельного возраста и до школы. Заплачет ребёнок, она снимет его с печи вместе с подушкой, на которой он лежит, там же находятся тёплые пелёнки, покормит молочком из бутылочки, перепеленает в сухие пелёнки и опять на печку, пока не подрастёт. Потом переселят в кроватку.

Так выросла у нас Пашнина Клава, Смолины дети, да и все лапорские дети росли, не болели. Однажды играли в прятки, и Сергей Смолин полез прятаться за буржуйку, был он толстый, упитанный мальчик, и свернул трубу у буржуйки. На шум прибежала мама и стала наводить порядок. В доме у нас постоянно были дети. У фельдшера Екатерины Пантелеевны была дочь Ольга, она следила за матерью. И как только та брала свой голубой чемоданчик, Ольга уже знала, что мать идёт делать уколы. Она бежала к нам, опередив мать: «Мама идёт делать уколы!»

И вся наша братия в лес за «клуб». Когда к дому подходила Екатерина Пантелеевна, то могла только сверкающие пятки увидеть.

Они с мамой смотрели нам вслед: «Ну, Ольга уже предупредила». А если делали уколы в школе, дети говорили: «Надо позвать тётю Таю, когда она нас держит, нам не так больно. Мама приходила, каждый подходил к ней, обнимал за шею и так получал свой укол под лопатку. После школы дети тоже приходили к нам. Так выросла в нашей семье Пашнина Клава. Она приносила с собой палатку от комаров и ночевала у нас, а родители если приезжали домой, то всю ночь гоняли комаров.

Спустя много лет при поступлении в Магнитогорский пединститут на худграф мы с ней встретились на вступительных экзаменах. Я услышала знакомую фамилию, и она тоже. Я искала глазами, но узнала её. Это был экзамен по рисунку, мне передали записку «Девочка, ты жила на севере, в Лапорах». Она дала знак рукой. Во время перерыва мы встретились. Учились мы, вместе пять лет. Но после окончания института связь наша прервалась, я думаю навсегда, так как мне уже 67 лет и ей столько же. Была она вредная девочка - заносчивая, и я старалась ей уступать, потому что я была, как бы хозяйкой, потому что в то время братья мои жили в Магнитогорске. Я была, как бы, деликатная хозяйка, а она этим пользовалась. Она научилась курить, и я из-за этого сорилась с ней, жили мы тогда в одной комнате с ней в общежитии на Карла Маркса. Мы часто вспоминали, хотя меня вывезли в девять лет, а её в тринадцать. Она знала конечно больше, она рассказывала, как училась в Ванзетуре и как их возили зимой на лошадях. Это была наша родина и это нас объединяло.

Наташа Лаишевцева
Фото из архива Стоматовой Н. Н.
1950 г.

Мои родители поженились очень рано, маме не было шестнадцати лет, а отцу семнадцати лет. Были они очень молоды, первые три года детей не было. Отец после женитьбы вечером шёл гулять с молодёжью, а маме говорил: «Ну что ты, Тая, сидишь дома, иди, погуляй, побегай с девчонками. Жили они очень дружно. «Как голубки ворковали», говорила тётя Граня Бадьина. Да и мама вспоминала, что за всю жизнь не слыхала от него плохого слова. Старший брат удивлялся: «Как же вы жили с отцом. Всегда разговаривали друг с другом с лаской, с улыбкой. Почему же у нас так не получается?».

Когда мы жили в Лапорах, отец часто был в командировках, дома он находился редко. То ездил с обозом за товаром, то был на лесозаготовках. Помню у меня над кроватью в потолке были вбиты гвозди, и когда приезжал отец, он привязывал на ниточку конфеты «Мишка на севере» и печенье, на которых были «Корова с телёнком», «Лошадь с жеребёнком», «Свинья с поросёнком». Все эти сладости спускались над кроватью, как гирлянды. Я открывала глаза и видела эти гостинцы, вскакивала с радостью, что приехал папа. Помню, он привозил вкусный кисель, такой яркий малиновый.

А ещё помню, как он играл на гармошке, отмечали день моего рождения. Мне было четыре года, были гости, он играл на гармошке и одновременно плясал вприсядку. Были у него и ученики, приходил учиться играть на гармошке Пашнин Коля. Отец был шутник и выдумщик, детей очень любил. Однажды мама рассказывала: «Он скатал Валентину валенки, а тот промочил их, положил сушить в печку. У валенок сгорели голенища. Валентин расплакался, а отец его успокоил: «Ну что ты ревёшь, Валька, сейчас мы обрежем, и у тебя будут отличные калоши, таких ещё ни у кого нет. Так, что ты у нас один будешь щеголять в таких необыкновенных калошах». Валентин успокоился и потом ходил в валенках-калошах».

Отец никогда не ругал, не наказывал детей. Помню, как он перегораживал комнату будучи уже больным. Мама пыталась его вылечить, думала, что у него туберкулёз. Она покупала собачье сало. Но отец наотрез отказался его пить. Мама его уговаривала, пробовала сама, но я то видела как она выплёвывала потом всё. Когда отец был в больнице в Нарыкарах, она испекла ему сдобное печенье на этом сале, запах был приятный. Но отец, получив посылку с печеньем, даже не распечатал её и выслал обратно.

Мы ездили к нему в больницу в Нарыкары, там врачи разглядывали мою спи-

*Лаишевцев Николай.
Фото из архива Стоматовой Н. Н.
1952 г.*

ну, заставляли поднимать руки. Потому, что мне в этой же больнице года два как делали обкалывание и выкачку. У меня на спине была большая шишка, как мама говорила, с детскую голову. Это Инка Крейсман ударила меня поленом и перебила вену, кровь сбежала и начался воспалительный процесс, я плакала ночами, отец не мог слушать, уходил на улицу. Благодаря отцу я выжила. Уже по последнему санному пути он возил меня в больницу, срубал деревья и прокладывал дорогу, чтобы проехали сани. Мама боялась, что провалимся вместе лошадьми под лёд. Но отец, рискуя, свозил меня в больницу. Потому врачи и разглядывали мою спину.

Валентин ездил к нему в Нарыкары уже после нас. Отец передал ему свою опасную бритву, сказав, что она мне больше не понадобится. Чувствовал себя очень плохо, вывезли его в Берёзовскую больницу. Перед этим он наказывал Валентину, чтобы он не бросал мать и помогал ей. «Ты знаешь, что такое мать? Ты читал Горького? Так вот, береги её и помогай растить ребятишек». Это меня и младшего брата Сергея.

Через четыре дня отца не стало. Мы поехали к нему в Берёзово, в больницу, мы ехали к нему навестить его. В Ванзетуре мама пошла на почту, так как ей сказали, что пришла посылка. Там, на почте, ей передали ещё и телеграмму из больницы о том, что умер отец. Мама побледнела, она не плакала, но стала какая-то сама не своя. Она не замечала нас с Серёжкой. Мы плелись за ней сзади держась за подол. Так добрались до плашкоута. И только когда Серёжка чуть не упал в воду, мне было семь лет, а ему два с половиной года. Он бежал и качался, я не сумела его удержать, мама, как бы опомнилась, она прижала меня к каюте, а его поймала за рубашку и не дала ему упасть в воду. Так мы доплыли до Берёзова.

В Берёзово мы остановились у знакомых и пошли в больницу. У больницы сидели какие-то мужчины, как нам сказали, это были буровики из геологоразведки. Они сказали: «Ваш папа в морге». Мама зашла, но нас не пустила. Она хотела, чтобы мы запомнили отца живым. Ей стало плохо. Похоронили отца, помогли его товарищи, с которыми он работал. А Валентин не успел, он приехал в Берёзово на лодке, плыл всю ночь, но не успел. Старший брат в это время был в армии. Мама очень тяжело переживала смерть отца, а мы были ещё дети, но тоже очень тосковали.

Как-то вечером мама жарила картошку, мы с братом сидели на кухне, а у соседей Бадьиных было весело, у них играл патефон. Я сказала маме: «Почему у нас скучно, а у Бадьиных весело. Мама ответила: «Ничего, и у нас сейчас будет весело». Она со сковородкой пошла круг с пляской и песней по кухне «Ах вы сени, мои сени», поставила сковородку на стол и ушла в спальню, я видела, что она плачет. Больше весёлости я не просила. А младший братишка, если мама, что-то вдруг обижалась на него и повышала голос, он ложился головой на порог и плакал, приговаривая: «ПА-па, па-па». Мама старалась не расстраивать его, она говорила: «Как душу вытягивает!».

Однажды он со слезами просил у неё: «Тяй латки», а она ни как не могла понять. Она и оладки накладывала ему на сковородку, и закрывала глаза - «Прятки». А

оказывается, он просил чай сладкий. Она была очень справедливой и спокойной, любила петь песню «Волга реченька глубокая». Я её никак не могу найти, и ни разу не слышала, кроме мамы. Это была грустная и протяжная песня про любовь и расставание, в ней передавалось состояние и настроение, которое было у мамы после смерти отца.

Когда осенью я пошла в школу, отец не хотел отдавать, говорил: «Пусть подрастёт». Я была маленькой и худенькой, но мама отдала меня в первый класс. В классе нас было: Тома Коротева, Серёжа Смолин, Вова Балашов и я. Учила нас Пестрякова Мария Семёновна. Во второй класс к нам пришла ещё и Ольга Козак, а учила нас Лукерья Петровна, которая вышла замуж за Сашу Плеханова, стала Плехановой.

*Семья Лаишевцевых
Фото из архива Стоматовой Н. Н.
Лаишевцева Таисья Яковлевна с сыном Сергеем
и дочерью Натальей (Стоматовой)
1954 г.*

*Ученики Лапорской школы.
Фото из архива Стоматовой Н. Н.*

Привет из Березова 21/11/53.
Здравствуй маме уважаемой сест.
Душой
У извещения посылу добра неслыхан
мне писем потому что была
распущена а потому не знала где приде-
чь зимы радостной а сейчас пишу
содержим пожеланий твоих основана в
каждой а на заре утренней лесу кинуть
почти мое охоту далеко от дома
лесу утешает в Десне Шаханьки
в виду своего не привыкло поехать
так как мамы одной дома
Они будут приехать за мной поехать
не могу охотой сейчас не охоту ставлю
да еще сейчас мы не смогли
во время лесной заготовки убо
и мой все свои охоту малосильно
немо званием по охоту на
за рыболовство и решил охоту
дома прозреть по всем хоро-
шо у мамы Бабушки приехать
мужа и заручил

Всем мое здоровье, стариков
не важно, про маму и бабушку
и Серёжу и Юлиану не могу
как все живёт но приехал
Кольмогорцев привез посылку
добра не много, масло
Всем сейчас и так все
о в 4 часа съезжу в
Блюеры на Рыболовском
пока до свидания всем
До свидания
15/11/53 2090

как будто до добра люди теперь
то твои деньги будут вернутся ему
или же мамы она у нас тоже
учится в школе ей надо будет
письма купить твои письма стали
худая их придется серезно читать
эт как и нечет по маленьку
так мне пришлось остаться
одной с детьми переживаю
папаша теперь лежит не может
а вот как придется ожить маме
все советовать выхоты на
родину но я даже детей, хотя
мне дождется тебя и мне
молить весной выйдит от
суда филова прислали
телеграмму узнали что маме
на покой и велит выехать
подлечи кевин и письмо
пишут ези не сумели пойти
выхоты то валю велит учить
обещают поможать буду по-
деются молить стал посылкой
немного

Семен Яковлев лежал
в месте с тобой похитил
рядом и видел похитил он
пронез рассказывал в ходили
к сестре Яковлеву он говорит
как только привези его, что
он выскокнется в сестра о
околожего в а потом два дня
он стал спокойнее все рассказывал
как мы ездили и как валя
его приволил на самолета
успела его Валентина на
самолет оул сам все ему
огоню свою но ему не хотелось
ехать в Березово видел серез
чувстволо и спол хорошо где
ноги а потом на третью
ночь стало что дикая хужа
семен Яковлев смотрел он
уже стал рече дикой
и только рукой помахал
и все простился

Привет из Березова моего
важного Сестры приехи и здоровой
вн извещения твою добра, мне
писем неслыхан потому что была
распущена а потому не знала где приде-
чь зимы радостной а сейчас пишу
содержим пожеланий твоих основана в
каждой а на заре утренней лесу кинуть
почти мое охоту далеко от дома
лесу утешает в Десне Шаханьки
в виду своего не привыкло поехать
так как мамы одной дома
Они будут приехать за мной поехать
не могу охотой сейчас не охоту ставлю
да еще сейчас мы не смогли
во время лесной заготовки убо
и мой все свои охоту малосильно
немо званием по охоту на
за рыболовство и решил охоту
дома прозреть по всем хоро-
шо у мамы Бабушки приехать
мужа и заручил

и он радостно узнал в Березове
илюшкином зван его второй маме
мне неслыхан потому что была
распущена а потому не знала где приде-
чь зимы радостной а сейчас пишу
содержим пожеланий твоих основана в
каждой а на заре утренней лесу кинуть
почти мое охоту далеко от дома
лесу утешает в Десне Шаханьки
в виду своего не привыкло поехать
так как мамы одной дома
Они будут приехать за мной поехать
не могу охотой сейчас не охоту ставлю
да еще сейчас мы не смогли
во время лесной заготовки убо
и мой все свои охоту малосильно
немо званием по охоту на
за рыболовство и решил охоту
дома прозреть по всем хоро-
шо у мамы Бабушки приехать
мужа и заручил

Зачем пока до свидания
оснаснав все жила и здоров
Жалко мне тебе здоровья унес
в. твоей сестры по роду приехи
всем поварилем всем
Привет с радостно
Семена твоей
папаша, Яковлев
Селозуны 21 ноября в 33, но сам (блон
извещения)

Эт дади васи тоже получили
получили письмо тоже узнал
омишим неслыхан потому совету
ит выхоты от сего он все
долит болит легки родиме не
работают, есть у нас телка
может ее продать или за-
коллим картошку выкопали
только еще не все есана
думать будет бедар поили
поболели только маме прошло
родни в прошлом году маме
была крупная я работаю
на свои работы в дет время
с дурравкой маме семен
Яковлев тоже лежит в дере-
зовом в болнице все болит
и выхоты не могут без но-
дежны приехала Франки
сестра с родни восте
ухоты у мамы дожди все
еще дождя голата езят живе
и унес торий восилит

Хотя и маме маме
не советовать учить валю
когда мы к нему ездили
внорькоре он говорит что
что я вас возвал что
валентин похитил учил
это как мы маме бросил
огоню ей неслыхан один я
скозало маме не хочется
от маме от ухоты по
тогда в тот маме
может дождется Трише
и тогда можно маме учить
а валентину на кол
ну ты валентин слушайся
мам это знае что маме
себя представлят а
валя только говорит маме
в маме не ростраиваются
копечко маме жалко но маме
не подлечи как будто

«УТВЕРЖДАЮ»

Председатель комиссии по реабилитации
УВД администрации Челябинской области

Зам. нач-ка ГУВД Ч/о
28 04 19 2003

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О РЕАБИЛИТАЦИИ

Челябинск

28 04 19 2003

Инспектор отдела по реабилитации ИЦ УВД Челябинской области Линешкая Т.Б.
рассмотрев заявление Л-1208 от 9.04.03, реабилитации,

УСТАНОВИЛ:

Из материалов архивного личного дела № 1203 из ГУВД Тюменской обл на репрессированного Лашинцев (Лашинцев, Лашинцев) Митрофан Семенович, 1912 года рождения, уроженца Челябинской области

считается, что он в соответствии с постановлением, решением Постановление ЦКК и СМК ССР

от 01 02 19 30 г. был репрессирован и в административном порядке выселен из пределов п. Наваринка, Агаповского р-на, Челябинской обл

переселен в Тюменскую область

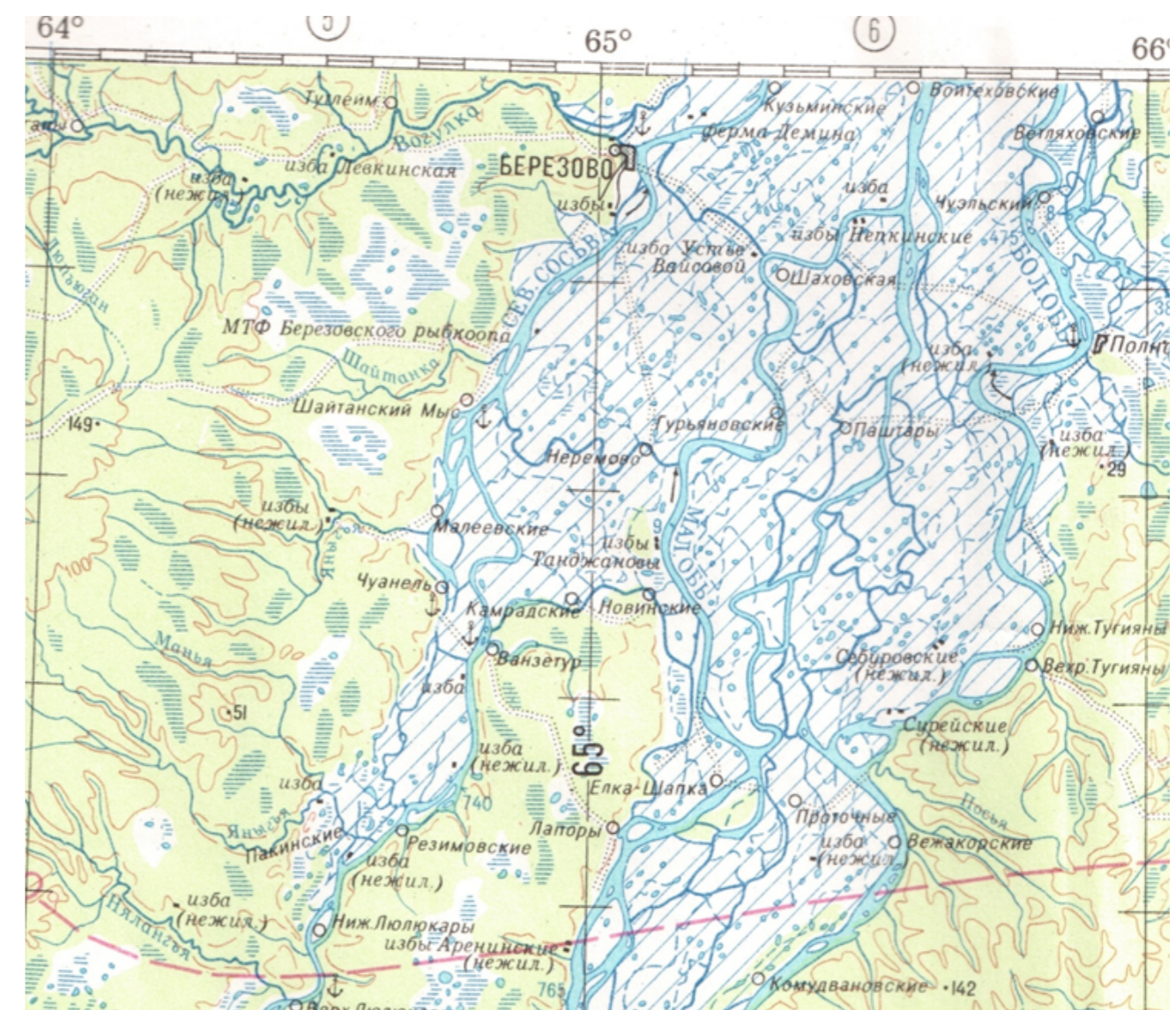
с семьей в составе: Лашинцевы:

1. м. семьи Митрофан Семенович, 1912 г. р. освоб. из ст. 15.12.1942,
2. сын - Анатолий Митрофанович, 1940 г. р. - освоб. из ст. 15.12.1942,
3. мать - Пелагея Ивановна, 1879 г. р. - умерла
4. брат - Антон Семенович, 1914 г. р. - умер в 1933 г.
5. отец - Семен Степанович, 1879 г. р. - умер в 1933 г.

СВЕДЕНИЯ О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА:

актов изъятия имущества нет

Заклучение о реабилитации, 2003 г.

Карта Березово – Лапоры, 1968 г.в.

Последние жители Лапор 1958 Пашнин

Пашнин 1955 Лапоры Доярки приехали с фермы

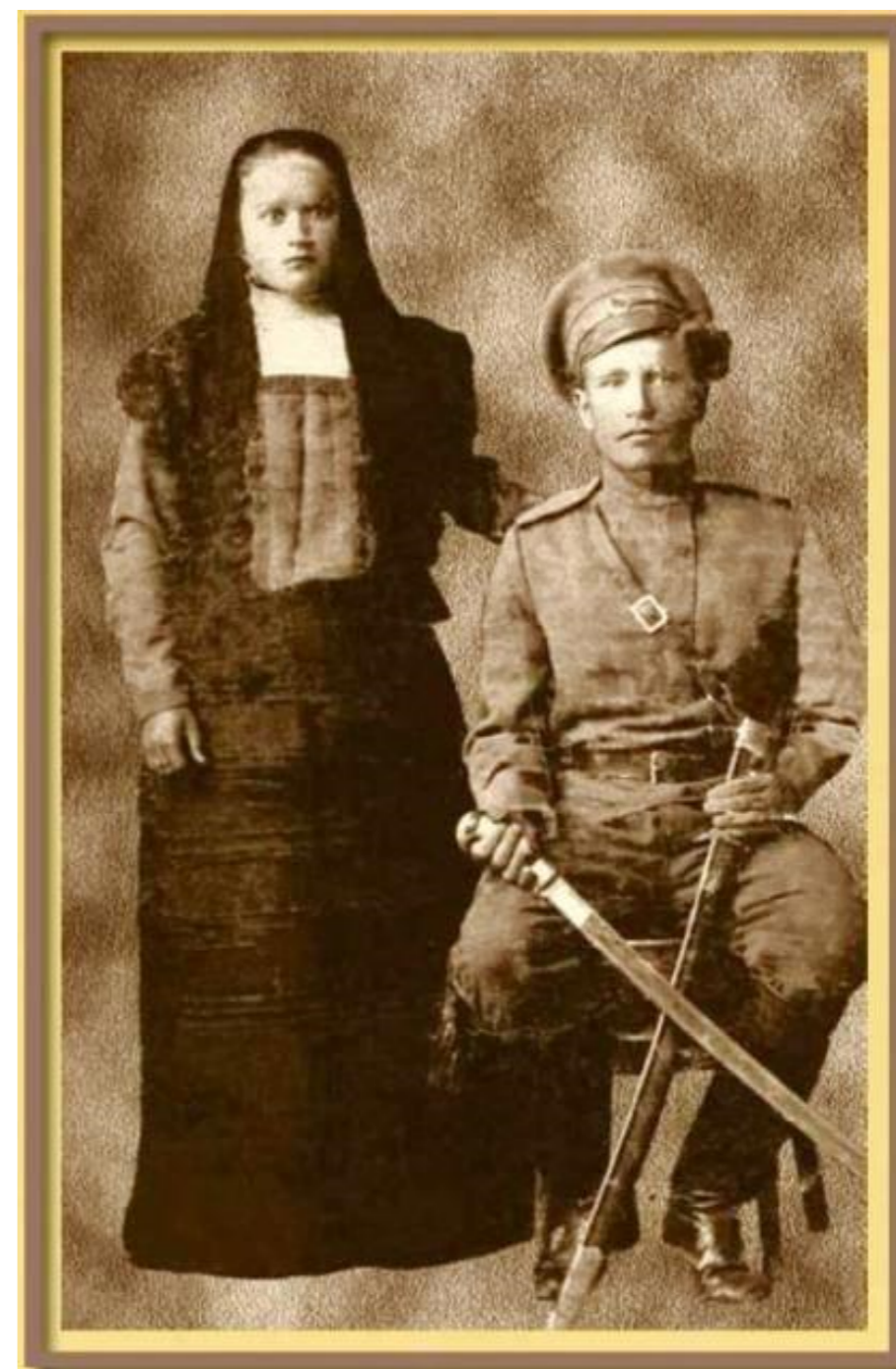

*Родители и дед с бабушкой.
Лапоры. Август 1951 г.
Фото из архива Пашнина*

*Семья Бадьиных. Мать Таярифа Ролановна,
отец Селем Ясхевич,
дочери Нина (слева), Мария, внук Юра.
п. Лапоров, 1952 год*

Семья Бадьиных. 1952 г., Лапоровы

Семья Бадьиных. 1914 г.
г. Южно-Уральск

1950 г.

Лапоры, 50-ые годы

Лапорская школа
Февраль 1954 г.

Лапоры, февраль 1954 г.

Лапоры, февраль 1954 г.

Лаишевцев Семен Степанович, дед Натальи Стоматовой

*Пилинцовы, 1914 г.
Пилинцов Яков Егорович,
Екатерина Сергеевна Пилинцова (Макарова)
Дед и бабушка по матери
Натальи Николаевны Стоматовой*

Лапору, 1960 г.

Лапоры, 1960 г.

Лапоры, 1960 г.

Березово, 1967 г.

Лапоры, 1960 г.

Колчин П.В., конец 50-х

Колчин В.Н., 30-ые годы

Николай Павлович Колчин

Семья Колчиных, около 1950 г.

Отец и сыновья Колчины

Колчина Е.Г., 1929 г.

Колчин П. В., 1914 г.

Встреча в Березовском краеведческом музее, 2015 г.

*Вид на Лапоры и крест на могиле Бадина С.Я.
Лапоры, 13 июля 2008 г.*

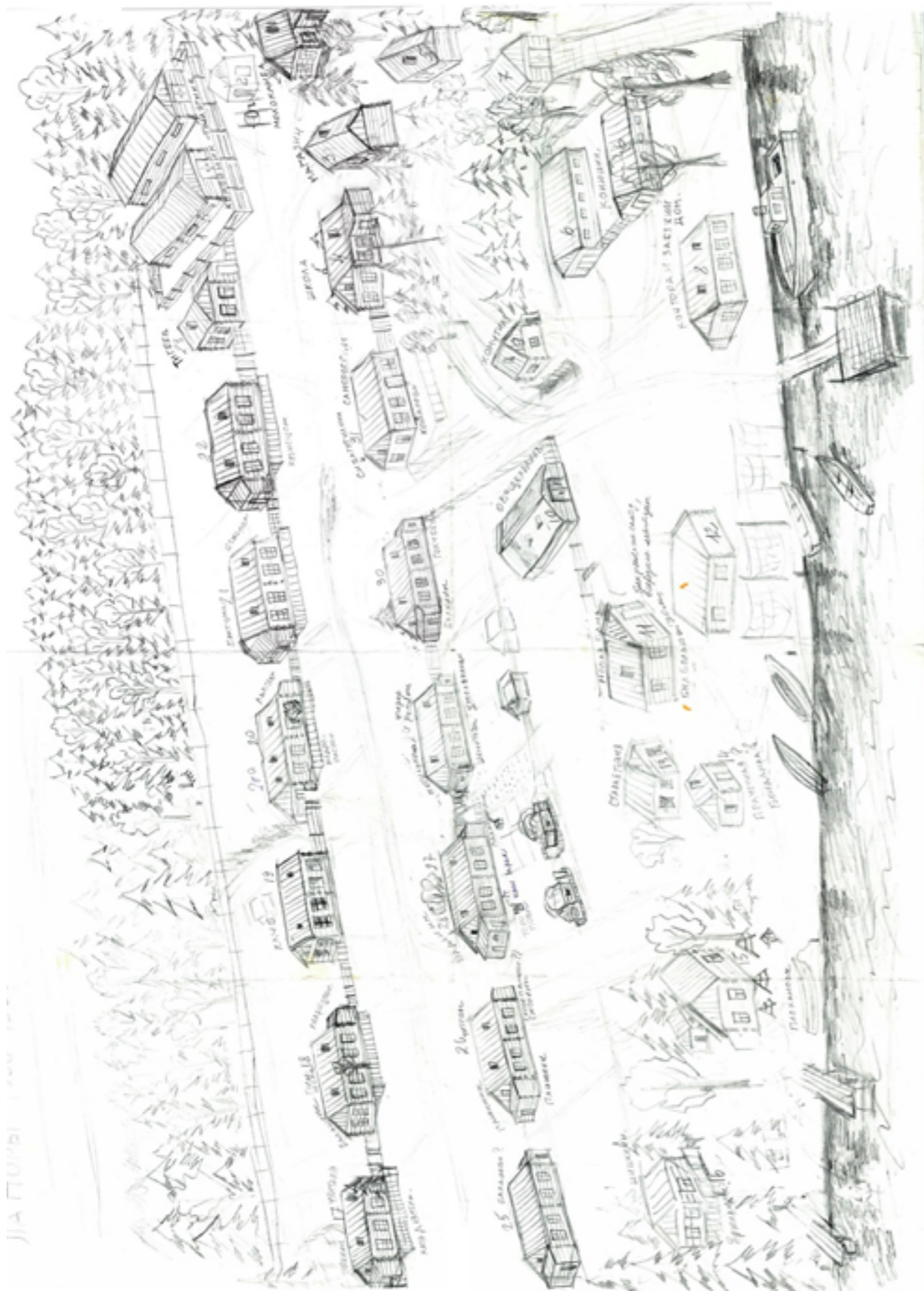

Рисунок Лапор, автор Стоматова Н.Н.

